

Настало время поговорить о планах Большого балета

На протяжении трех месяцев упорно не шел на контакт с прессой вновь назначенный художественный руководитель балета Большого театра Борис АКИМОВ.

С невиданным упрямством повторял одно и то же:

“Еще не время. Говорить буду только тогда, когда добрые намерения превратятся в реальные договоренности и контракты”. Пробыл час. Вернувшись из Лондона, где провел очередную серию классов в Королевском балете, Борис Акимов наконец утвердил все свои планы у Геннадия Рождественского, после чего дал эксклюзивное интервью нашей газете.

— Борис Борисович, это горький опыт ваших предшественников научил вас быть столь осторожным?

— Я бы вел себя точно так же, даже если бы был “неопытным”. Ну не заставляйте меня опять повторять: “За свои слова надо отвечать” и т.д., и т.п. Для того чтобы в полной мере понять, что происходит, и что-то перестроить и наладить, действительно нужно было время.

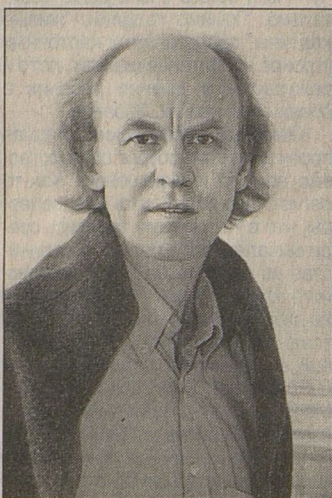
— Ваши первые — впрочем, можно сказать, что уже и не первой свежести — впечатления от работы в новом качестве?

— Тяжелая работа. Я, разумеется, и не думал, что будет легко, но действительность превзошла все ожидания. Не хочу вдаваться в детали и как-то комментировать, просто скажу: укоренилось много дурных привычек. Сейчас постепенно начинаем от них избавляться.

Отдельная проблема — колоссальная численность труппы. Крупнейшие западные труппы насчитывают до 80 — 90 человек, у нас — 265. И это при 12 — 13 спектаклях в месяц. Как обеспечить всем занятость? Ежегодно на пенсию выйдут 10 — 15 артистов и столько же на их место принимается выпускников хореографического училища. Думаю, было бы целесообразно на некоторое время сократить прием — брать только двоих-троих самых лучших. Тогда численность труппы естественным образом уменьшится и постепенно войдет в какие-то разумные пределы. А сейчас ее “беспределельность” дает нашим солистам несколько преувеличенное ощущение свободы. Разумеется, я не против того, чтобы их приглашали выступать где-нибудь еще. Но индивидуальные гастроли должны поддаваться учету и контролю. Их “внезапность” всегда создает угрозу возникновения парадоксальной, казалось бы, ситуации: труппа огромная, а танцевать некому. Конечно, в нынешних условиях приходится проявлять некоторую снисходительность — в самом театре репертуарный план менялся “на ходу”. Но в дальнейшем контрактные обязательства должны будут выполняться четко обеими сторонами: и артистами, и театром.

— А насколько четко сейчас “прописаны” сами контракты — в них фигурируют, например, даты спектаклей?

— К сожалению, наша контрактная система в основном весьма несовершенна. Контракт — я имею в

виду солистов — гарантирует минимальную оплату труда и минимальное количество спектаклей, за которые деньги выплачиваются дополнительно. Репертуарный план формируется каждый месяц — на год вперед определить даты пока просто не представляется возможным.

— Какие “коллективные” гастроли собираетесь теперь предложить артистам балета Большого театра?

— Четыре показа “Дочери фараона” в Египте оставляю за скобками — уже всем известно, что этот проект прежнего руководства уцелел. Вместо отмененных летних гастролей на сцене Ковент-Гарден (этим летом там выступит Мариинский театр, а мы, по всей вероятности, в следующем сезоне) состоятся весенние, с 23 апреля по 20 мая, гастроли на сцене тоже очень знаменитого британского театра — “Друри Лейн”. Проводит их Colombia Artists. Выезжают 45 артистов балета и 40 оркестрантов. В репертуаре — три концертные программы: второй акт “Лебединого озера” и классические па де де, “Шопениана” и па де де, акт Теней из “Баядерки” и па де де. Запланировано восемь выступлений в неделю.

Одновременно с лондонскими гастролями пройдут гастроли в Триесте — там восемь раз покажем “Дон Кихота”. В июне небольшая группа артистов отправится в Израиль — будет лишний гала-концерт в двух отделениях, либо концертное отделение и “Паганини”. В июле предполагаются выезды в ЮАР, Португалию и на Кипр. В декабре

состоится турне по городам Италии с традиционным для этого месяца “Щелкунчиком”. Есть и другие проекты, но они пока находятся в стадии обсуждения. Вообще должен сказать, что предложений поступает очень много. Мы соглашаемся лишь в том случае, когда нас устраивают все условия — сцена, гонорар и так далее.

— Вопрос вопросов: какие будут новые постановки?

— О том, что Юрий Григорovich возобновляет “Лебединое озеро” и в следующем сезоне собирается ставить три одноактных балета Алексея Ратманский, опять-таки все знают. А вот вам и новости: в самом начале сентября приступаем к работе над балетом “Пиковая дама” на музыку одноименной оперы. Премьера намечена на первую декаду ноября. Ставить будет Ролан Пети. Через неделю он должен приехать, чтобы подписать контракт и посмотреть труппу.

— Это тот самый балет, который он делал в конце 70-х с Барышниковым?

— Какие-то мотивы, видимо, сохранятся, но в принципе это будет новая постановка, эксклюзивная, специально для Большого театра.

— Что последует за “Пиковой дамой”?

— “Тщетная предосторожность” в постановке Фредерика Аштона. Права на этот спектакль он оставил Александру Гранту, великолепному танцовщику и актеру, долгие годы бывшему украшением Королевского балета. Контракт заключается сроком на три года, и спектакль будет идти довольно часто. Перенесут его на нашу сцену ассистенты Гранта, а сам он явится уже для того, чтобы нанести последние штрихи. Премьера — первая аштонская постановка на территории бывшего СССР — должна состояться будущей весной.

— Не могли бы вы прокомментировать выбор данных конкретных спектаклей, а заодно сформулировать и основные принципы вашей репертуарной политики в целом?

— По моему глубокому убеждению, нам следует ориентироваться на масштабные, полнометражные спектакли. Помимо классики, нашей так называемой визитной карточкой могли бы стать балеты, поставленные на сюжеты из русской литературы, тоже, естественно, на классической основе. Соединить в Большом балете большую литературу и большую музыку мне кажется очень привлекательным. Вот, думаю о Пушкине и Чайковском, нашел отклик у француза... Что касается аштонской “Тщетной”, то, во-первых, на мой взгляд, это совершенно замечательный спектакль, во-вторых, это комедия, то есть полная противоположность “Пиковой даме”, в-третьих, она будет интересна и взрослой, и детской аудитории, о которой тоже наконец надо позаботиться. Любопытным мне представляется и установить своего рода обратную

связь: ведь с Аштоном работала над этим спектаклем Тамара Карсавина, рассказывавшая и показывавшая ему, как этот балет играли в Мариинском театре.

— А в полном смысле этого слова современная хореография вас не привлекает?

— Конечно, привлекает. Хотя, на мой взгляд, она лучше вписалась бы в наш филиал, чем в основное здание. А артистам в любом случае пришлось бы изрядно попотеть, чтобы приучить к ней свои тела и исполнять ее на мировом уровне. Впрочем, они схватывают хорошо — потенциал у труппы действительно большой.

Ближе всего нам, мне кажется, Джон Ноймайер. Не так близок, но лично мне очень интересен Начо Дуато. Но что об этом говорить — все это пока еще не имеет под собой реальной основы. Пока я раздумываю о том, как представить XX век в нашей афише программой “ретро” — например, балетами Брониславы Нижинской или Леонида Мясина. Судя по всему, это удастся.

— Не изъявлял ли желания поставить что-нибудь новое Юрий Григорovich?

— Мы с ним еще об этом не разговаривали. Пока у нас есть только принципиальная договоренность о том, что в будущем сезоне он возобновит один из лучших своих спектаклей — “Легенду о любви”. Большой театр, естественно, готов с ним сотрудничать.

— Возобновляя “Лебединое озеро”, он вернулся к своему первоначальному варианту? Финал будет трагическим?

— Он держит это в секрете.

— Почему на роль Одетты — Одиллии вновь пригласили ушедшую из театра Анастасию Волочкову?

— Так захотел Юрий Николаевич. По контракту он имеет на это право.

— Как теперь воспринимает вас труппа Ковент-Гарден — ваша новая должность повлияла как-то на ее отношение к вам?

— Не до такой степени, как это наверняка случилось бы, стань я ее худруком. Меня все поздравили, а потом администрация поинтересовалась, не выделить ли мне отдельную комнату, где я мог бы переодеваться. Но я в отдельную комнату уходить не захотел. А в Большом театре практически не ощущаю того, что у меня есть отдельный кабинет. Дверь принципиально держу открытой, и, по моему, люди это ценят. Кроме того, очень много времени провожу в репетиционных залах: класс вести не бросил и не брошу. И это, кажется, тоже мои ребята оценили. Вообще контакт у меня с ними хороший. Думаю, если не все, то многое у нас получится. Главное — чтобы была добрая, человеческая атмосфера и царил дух творчества.

Беседу вела
Наталья ШАДРИНА